

БРАТЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЪ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА.

III (*).

Вопросъ о происхожденіи братьевъ Денисовыхъ; вѣроятность княжескаго происхожденія Денисовыхъ; дѣтство Андрея; его бѣгство изъ дома отца въ пустыню; двѣ группы выговскихъ отшельниковъ; жизнь Андрея до настоятельства.

Всѣ, кто писалъ о Денисовыхъ, называли ихъ *клязьминскими Мышетскими*. Поводъ къ этому далъ самъ Андрей. Въ надгробномъ словѣ своему родственнику, выгорѣцкому «эклезіарху» П. Прокопьеву, онъ говоритъ, что «прадѣда его отецъ быше рода князей Мышетскихъ, съ Новгородскія области, именуемъ Борисъ Александровичъ. Той во время снушенія русскія земли, егда отъ шведовъ и поляковъ волновашеся Россія, и инози принуждаемы бываху крестъ цѣловати за иностранныхъ кралей, — не восхотѣ въ томъ учинити посползованія, по яко же крѣпокъ во благочестіи, сице своимъ природнымъ государемъ вѣрвѣйшій авися.... А понеже велие налеганіе тогда отъ противныхъ быше, остави сей оте-

чество свое и вотчины и пресельникъ бываетъ въ заонежской пятины въ дѣсожительнѣмъ сельцѣ нѣкоемъ Пудоска гора именуемомъ въ немъ же во иноческомъ чину (?) Боголѣпъ наименованный преставися» (*) и проч. Во всемъ этомъ разсказѣ Андрей ни слова не говоритъ о себѣ, о томъ, чтобы онъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ знаменитому предку Петра, не говоритъ даже о томъ, чтобы приснопамятный Петръ былъ ему родственникъ (**). Но рассказывая родословную Петра, Андрей упоминаетъ о Діонисіѣ, одномъ изъ братьевъ «знаменитаго въ гражданствѣ» дѣда Петра Прокопьева — Іакова, который «не токмо въ міръ правдою и добродѣтелию поживе, но и оставивъ міръ, пустынное житіе лобызавъ, Богу девятилѣтнѣ потрудися.» Очевидно этотъ Діонисій не кто другой, какъ отецъ Андрея Денисова, который дѣйствительно, какъ извѣстно изъ «исторіи Выговской пустыни,» пришелъ «въ монастырь» Андрея въ началѣ 1697 года, и умеръ въ концѣ 1705 г. Съ другой стороны, и безъ прямого указанія Андрея всякому изъ его слушателей было извѣстно, въ какомъ отношеніи находился «настоятель» къ «экклезіарху.» Всякій понималъ, что говоря о предкахъ Петра, Андрей хотѣлъ дать поглядѣть и о своемъ происхожденіи. Біографъ Андрея, поэтому, желая сказать о происхожденіи *Андрея*, нисколько не сомнѣваясь, приводитъ слова изъ «над-

(*) Далѣе Андрей рассказываетъ, что сынъ Бориса—Иванъ, *священства и иночества чиномъ назнаменованъ*, упокоися. Того дѣти Порфирій *священникъ* и Евстафій пресельники на мѣсто Повѣнецъ быста, не знатно и убого тогда суще, — а когда «отъ нихъ и рода ихъ населися», то отъ рубища нищеты и убожества очистися и знатно въ тѣхъ мѣстахъ учинися. Сего Евстафія дѣти: Іаковъ, «иже дѣдъ баше» Петру, (дядя Андрея — по словамъ его біографа) и Діонисій.... сынъ Іакова, Прокопій, отецъ Петра, въ мірствѣмъ житія умре....» и проч.

(**) По разсказу Андрея выходитъ, что Петръ былъ его племянникъ: Діонисій, *отецъ* Андрея, былъ братъ Іакову, *дѣду* Петра. По Іоаннову и Муравьеву Андрей и Петръ были двоюродные братья.... Замѣчательно, что Петръ Прокопьевъ и Андрей до основанія «выговской киновіи,» представляются дѣйствующими совершенно отдѣльно.

гробнаго слова» о происхожденіи *Петра*. Какъ Андрей говорить о Петрѣ: «прадѣда его отецъ быше рода князей Мышетскихъ;» такъ говорить біографъ объ Андрее: «прадѣда его отецъ быше рода князей Мышетскихъ,» и потомъ прибавляетъ: «сіе самъ онъ блаженный Андрей Діонисіевичъ въ словѣ надгробномъ сроднику своему Петру Прокопьевичу описуетъ.» Позднѣйшіе писатели руководствовались уже Андреемъ Іоанновымъ. Этотъ знатокъ раскола, знакомый со всѣми раскольническими преданіями, съ памятниками раскольнической письменности, говоритъ о княжескомъ происхожденіи братьевъ Денисовыхъ такъ рѣшительно, что всѣмъ писавшимъ о расколѣ послѣ него совершенно естественно было повторить съ тою же увѣренностію мнѣніе о княжескомъ достоинствѣ Андрея (*). Единственный писатель, который не называетъ Андрея княземъ Мышетскимъ, — это митр. Евгеній (въ словарѣ свѣтскихъ писателей); онъ назы-

(*) По крайній мѣрѣ ни *пр. Макарій* (въ исторіи раскола), ни *пр. Филаретъ* (въ исторіи рус. церкви) не говорятъ о надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву, въ которомъ въ первый разъ самимъ Андреемъ разсказана исторія Бориса А — ча Мышетскаго и его потомства. *Андрей Іоанновъ* имѣлъ въ рукахъ это слово, хотя и не говоритъ объ этомъ: о началѣ раскола въ Поморьѣ онъ говоритъ словами этого «слова» (полн. ист. изв. издан. 4-е, стр. 96: сличи въ сборн. словъ Андрея Д — ча, листъ 196 на об.); *Муравьевъ* имѣлъ подъ руками «Житіе,» которымъ мы пользовались: приписывая Андрею Денисову «Діаконовы отвѣты» онъ ссылается на 17 гл. «Житія,» въ кофой дѣйствительно говорится объ этомъ. Другія сочиненія, въ которыхъ Андрей называется княземъ Мышетскимъ: *исторія нижегородской іерархіи, архим. Макарія* (стр. 81), *описаніе олонекской губерніи Бегитрессера, Дашкова, Штукенберга, Пушкирева, Россійск. родосл. книга*; кн. Долгорукій (1856 г., ч. III, стр. 32—33) говоритъ: «князь Яковъ Борисычъ Мышетскій имѣлъ сыновей Дениса и Прокопія, которые оба пристаи къ расколу, равно какъ сыновья перваго Семень и Иванъ (Андрея пропустилъ авторъ) и дочь княжна Соломонія; изъ нихъ особенно извѣстенъ Семень, главнѣйшій участникъ раскольническихъ мятежей въ XVII в. (Семень Денисовъ родился въ 1683 г., какимъ образомъ онъ могъ быть участникомъ раскольническихъ мятежей?) Въ книгѣ *Варадинова* (ист. мин. внутр. дѣлъ, ч. 8, стр. 289) сказано, что Лексинскій монастырь построенъ нарочито для сестры братьевъ Мышетскихъ, княжны Соломоніи.

ваетъ Андрея «сыномъ простолюдина.» Но этими словами митр. Евгеній, конечно, не отвергаетъ еще того, чтобы одинъ изъ предковъ Андрея былъ князь Мышетскій: называть Андрея княземъ ему вѣроятно казалось странно послѣ того, какъ уже за сто лѣтъ до него его предокъ, позабывъ о своемъ княжескомъ достоинствѣ, началъ вести крестьянскую жизнь. Павелъ Любопытный называетъ Андрея просто: «повѣнецкій уроженецъ, происшедшій отъ Мышетскихъ князей» (*); а Иванъ Филипповъ: «села повѣнецкаго прозябеніе, Діонисія нѣкоего, единого отъ тамошнихъ обитателей сынъ» (**).

Замѣчательно, что въ официальныхъ документахъ того времени Денисовы не называются князьями Мышетскими: напротивъ, они здѣсь носятъ даже другую совершенно фамилію—«Вторушинныхъ» (***), или «Второго.» «А освѣдомился я подлинно, пишетъ въ своей челобитной игумень разореннаго раскольниками Палеостровскаго монастыря Кириллъ,—что отъ нашего монастыря, въ недалекомъ разстояніи на лѣсахъ, въ прежнихъ воровскихъ раскольническихъ станахъ, воровскаго расколическаго ученія плевосѣятеля церковный дьячекъ Данилко Викулинъ, а съ ними воры жъ повѣнчане Дениско Второго съ сыномъ Андрюшкою да съ племянникомъ Петрушкою и съ иными своими товарищи со многими людьми собрався, живутъ великимъ скопомъ и заводомъ» (****). Знаменитый Омелька Ивановъ, извѣстный своими набѣгами на мирныя селенія православныхъ, и наконецъ сожегшійся въ Палеостровскомъ монастырѣ, былъ также повѣнчанинъ и имѣлъ ту же самую фамилію *Второго* (*****),

(*) Чт. моск. об. ист. и др. 1863 г., кн. 1-я.

(**) Ист. Выг. пуст., стр. 98, 91.

(***) Вторушинымъ называетъ себя Семень и своего брата—на допросѣ, которому подвергъ его Самаринъ по доносу Круглаго: см. раск. дѣла XVIII ст. Есипова, т. I, 403—406. Имя его Семень, подлинное Денисовъ, а по прозванію Вторушинъ.»

(****) *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г. №№ 1—14.

(*****) См. тамъ же: въ прошломъ 1687 году повѣнецкаго рядку житель. Фамилія Второго встрѣчается еще въ актахъ объ осадѣ Соловецкаго монастыря (Доп. къ А. И., т. V, № 67) подъ 1669 г.

Принадлежалъ ли онъ къ одному роду съ Андреемъ, неизвѣстно.

Для нашей задачи—уяснить себѣ личность Андрея Денисова и характеръ его стремленій, — вопросъ о происхожденіи имѣетъ нѣкоторое значеніе. Если Андрей незаконно усвоилъ себѣ княжеское происхожденіе: тогда подозрѣніе въ политическихъ, противогосударственныхъ замыслахъ и стремленіяхъ, которыя такъ склонны находить въ немъ наши писатели, охотно величающіе его въ этомъ смыслѣ княземъ, получаетъ значеніе и имѣетъ основаніе. Но еслибы намъ достоверно извѣстно было крестьянское происхожденіе Андрея Денисова, то личность Андрея явилась бы въ иномъ, болѣе величественномъ свѣтѣ; многое въ жизни и дѣйствіяхъ его—необычайная энергія, успѣхъ многихъ предпріятій, необыкновенно-мирныя, почти дружественныя отношенія его къ властямъ гражданскимъ—объяснялись бы не княжескимъ происхожденіемъ и аристократическими связями, а исключительно личными достоинствами и характеромъ, силою дарованій. Но по недостатку прямыхъ историческихъ указаній, мы не беремъ на себя рѣшить категорически вопросъ о происхожденіи Андрея Денисова. Не можемъ только оставить безъ вниманія нѣкоторыхъ данныхъ, которыя говорятъ въ пользу прежняго взгляда.

Царь Іоаннъ III, при раздачѣ описанныхъ имъ новгородскихъ волостей вѣрнымъ дворянамъ своимъ, далъ между прочимъ «князьямъ Семену и Ивану, Ѳеодору и Алексію, князь—Ивановымъ дѣтямъ Мышетскимъ» значительныя вотчины въ Вотской пятицѣ (*): по переписной окладной книгѣ «по Новгороду, Вотской пятины» имъ принадлежали большія помѣстья въ цыпѣшнихъ шлессельбургскомъ, ладожскомъ и ямбургскомъ уѣздахъ (**), которые были завоеваны потомъ,

(*) См. Россійск. родосл. книгу князя Долгорукаго, ч. III, стр. 32—33.

(**) См. *Временникъ моск. Общества Ист. и др.* 1851, — книг. XI, стр. 35—142. Именно эти имѣнія находились въ погостахъ (Егорьевскомъ—Теребовльскомъ, Ивановскомъ—Куйвашскомъ, Кастушскомъ, и Егорьевскомъ—Лопскомъ. Последний, какъ и всѣ лопскіе погосты (ихъ 5 назва-

дѣйствительно, шведскимъ генераломъ Делагарди: владѣльцамъ ихъ совершенно естественно было бѣжать на сѣверъ. «Лѣсожительное сельцо нѣкое Пудоска гора,» въ которое, по словамъ Андрея, переселился Борисъ Алекс. Мышетскій, составляло именно такое безопасное мѣсто, въ которомъ можно было укрыться отъ преслѣдованій шведовъ: оно ясно упоминается въ историческихъ памятникахъ (*). Князь Терентій Васильевичъ Мышетскій, олонецкій воевода, о которомъ Андрей упоминаетъ, какъ о человѣкѣ, который покровительствовалъ роду Андрея—«по любви и милосердію, благодарію свойственному,» также личность историческая: онъ былъ воеводою на Олонцѣ съ 1660 г. по 1663-й (**), затѣмъ, въ 1678 году, когда составлялись писцовыя книги по всему государству, обонѣжскую пятину описывалъ «новгородскій помѣщикъ князь Іаковъ Мышетскій,» какъ говоритъ Невольяльцъ (***)). Не есть ли это тотъ самый дядя Андрея, «Іаковъ старый,» который по словамъ біографа Андрея поручалъ десятилѣтнему своему племяннику «таможенное дѣло исправляти» (въ Повѣнци была таможня) (****), при чемъ мальчикъ, по замѣчанію біографа, здѣсь уже обнаружилъ свою даровитость, о которомъ самъ Андрей говоритъ въ «надгробномъ словѣ,» что онъ былъ знаменитъ и разуменъ въ сихъ странахъ, въ гражданствѣ же словый, и отъ великихъ государей

ны по имени лопарей) находился въ заонежской половинѣ, и въ послѣдствіи получилъ названіе Толвуйскаго—ближайшая мѣстность къ повѣнцу. Можетъ быть Б. А. Мышетскій переселился просто изъ одного главнаго имѣнія въ другое незначительное, лежавшее за Онегою.

(*) *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 4 писц. книга Н. Панина: челмужскаго погоста выставка, погость на пудожской горѣ; а въ ней церковь великомученика Георгія. Этотъ погость получилъ начало еще въ 1391 г.; какъ это видно изъ межевой записи Юрьева монастыря. (См. *Русск. Геогр. Вѣст.* 1852 г., кн. 6, смѣсь, стр. 19); 1689 г. Юрьева монастыря вотчина... *Никольской пудожской выставки.*

(**) *Росс. родослов. кн. Долг.* стр. 32—33.

(***) *Записки П. Географ. Общ.*, 1852, VIII, стр. 22; также *Вѣстникъ Геогр. Общ.*, 1852 г., кн. 4, отд. 6.

(****) *Шапова,* стр. 301—308.

самолично иногда милосердіе гражданству и сему Повѣнцу получивый, а наипаче во время воеводства на Оловцѣ князя Терентія Васильевича Мышетскаго» (можетъ быть милость Терентія Васильевича именно въ томъ и состояла, что благодаря ему Іаковъ получилъ должность таможеннаго начальника въ Повѣнцѣ, а потомъ и должность составителя писцовыхъ книгъ обонѣжской пятины), а Андрей Іоанновъ и Муравьевъ говорятъ, что онъ произвелъ смуты въ Поморскомъ краѣ во время исправленія книгъ (*). Нужно еще принять во вниманіе то, какъ приняли Андрея собравшіеся въ Выговской пустынь раскольники, когда онъ, семнадцатилѣтній юноша, явился между ними. Данилъ Викуличъ, имѣвшій репутацію друга Досноея, ученика и собесѣдника Игнатія, обонѣжскаго просвѣтителя, — шцеть его пріязни, первый зоветъ его къ себѣ въ общежитіе; и когда Андрей согласился соединиться съ нимъ, то его «моленьми, отеческими благословеніи, и совѣтовъ принужденіи, принудиша не житія точію, но и попеченія и тяготы его вкусити» (**). Подобное случилось и съ Петромъ Прокопьевымъ: въ самую трудную пору для выговскихъ скитальцевъ, когда, подъ вліяніемъ частыхъ экспедицій въ эти лѣса со стороны мѣстныхъ властей, бѣдные пустынножители трепетали каждую минуту за свою жизнь и отнюдь не осмѣливались собираться вмѣстѣ, а скитались по однопочкѣ, Петръ Прокопьевъ съ двумя товарищами приходитъ къ Данилѣ и проситъ его принять ихъ къ себѣ въ общее житіе. Данила не рѣшился отказать Петру, хотя обоихъ его товарищей отпустилъ скитаться «по суземку....»

Почему Андрей не говоритъ прямо о своемъ происхожденіи, не только не хвалится своимъ княжествомъ, а какъ бы скрываетъ даже его, — носить фамилію Вторушина? Хвалиться было не чѣмъ: около ста лѣтъ прошло, какъ его предокъ —

(*) *Полн. ист. мзвъствіе*. Изд. 4-е, стр. 91.

(**) *Ист. Выг. пуст.* 85—86.

князь, покинувъ свою княжескую жизнь (*), сталъ вести жизнь обыкновеннаго селянина. Княжеское происхожденіе не много дало Андрею: оно не дало Андрею ни богатства, ни виднаго общественнаго положенія, ни даже того скуднаго образованія, какое можно было имѣть въ то малообразованное время. Затѣмъ, дальнѣйшаго объясненія скромности Андрея нужно искать въ общемъ характерѣ раскола и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Андрей. Аристократическое происхожденіе въ глазахъ раскольниковъ, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ и предметомъ похвалы и предметомъ порицанія. Расколъ имѣлъ причины болѣе ненавидѣть боярство. Боярство жестоко обмануло расколъ въ его первую эпоху. Когда бояре домогались паденія Никона, въ то самое время, какъ и расколъ стремился къ тому же, расколъ могъ думать, что бояре — друзья стараго благочестія, что они ненавидятъ Никона за его церковныя нововведенія. Но вотъ тотъ же самый соборъ, который низложилъ Никона, осудилъ и расколъ. Тогда стало ясно раскольниковъ, что бояре преслѣдуя Никона, оставались безразличными къ дѣламъ вѣры и преслѣдовали свои цѣли. Два-три боярскихъ семейства остались вѣрными расколу, большинство же присоединилось къ сонму гонителей раскола; въ качествѣ воеводъ, областныхъ властей—они были ближайшимъ орудіемъ тѣхъ мукъ, которымъ подверглись приверженцы раскола.

Андрей имѣлъ благоразуміе молчать о томъ, что не пользовалось уваженіемъ въ глазахъ его паствы; его паства вознегодовала бы, еслибы онъ вздумалъ на своемъ княжескомъ достоинствѣ основывать свой авторитетъ надъ ними. Его власть напротивъ основывалась на иномомъ отреченія отъ міра и отъ мірскихъ преимуществъ; онъ приводилъ свою

(*) Переселеніе Бориса А—ча Мышетскаго происходило въ то время, какъ воеводою въ Карелии (нынѣшняя оленецкая губернія) былъ князь Тимофей Данилычъ Мышетскій (1608). См. *Росс. род. книгу кн. Домокурова*, стр. 32.

паству въ энтузіазмъ именно тѣмъ, что трудился наряду съ простыми рядовыми братьями и вель, по видимому, живъ: крестьянскую.

Могла быть еще причина, почему Андрей не проговаривался о своемъ княжескомъ достоинствѣ, а Иванъ Филипповъ, одинъ изъ его приближенныхъ, хорошо знакомый съ его намѣреніями, не упоминаетъ не только о его княжествѣ, но и о родствѣ съ Петромъ Прокольевымъ, котораго называетъ лишь его «сожителемъ» и «клевретомъ духовнымъ». То были времена Петра, который круто относился къ людямъ дворянскаго происхожденія, не состоявшимъ на государственной службѣ. Могъ ли ждать Андрей чего-либо хорошаго для себя, еслибы Петръ, съ которымъ Андрею удалось стать въ такія хорошія отношенія, еслибы Петръ узналъ, что этотъ кроткій пустынножитель принадлежитъ къ княжескому роду? И не только въ эпоху Петра, но и при его преемникахъ выговскимъ пустынножителемъ естественно было опасаться, что ихъ станутъ подозрѣвать въ политическихъ, противуправительственныхъ замыслахъ. Сдѣлать при этомъ извѣстнымъ правительству, что во главѣ общины стоитъ человекъ княжескаго происхожденія значило бы прямо навлечь на себя гоненіе. И вотъ дѣло поведено такъ, что даже люди жившіе въ Выговской пустыни, каковы были, напримѣръ, Халтуринъ и Круглый, не знаютъ или лучше молчатъ о княжескомъ происхожденіи Денисовыхъ. Только уже позднѣйшій біографъ, жившій въ счастливое для раскола царствованіе Екатерины II, черезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Андрея, считаетъ возможнымъ сказать о княжескомъ происхожденіи Андрея, — и прямо, безъ обиняковъ, начертанную Андреемъ родословную Петра Прокольева относить къ самому Андрею, не измѣняя ни слова, не считая нужнымъ оговариваться. Въ настоящее время въ расколѣ существуетъ самое рѣшительное и твердое убѣжденіе, что Андрей Денисовъ былъ князь Мышетскій. Членамъ правительственныхъ комиссій, занимавшихся изслѣдованіемъ раскольническихъ дѣлъ, часто приходилось

выслушивать показанія, въ родѣ слѣдующихъ: «мы слѣдуемъ во всемъ изъясненному въ 106 отвѣтахъ, данныхъ іеромонаху Неофиту *княземъ* Андреемъ Діонисіевичемъ;» одинъ раскольникъ даже такъ выразился, что онъ—«христіанскія вѣры, которая принята была *княземъ Владиміромъ*,—согласно 106-ти отвѣтамъ, даннымъ іеромонаху Неофиту *княземъ Мышетскимъ*.» (*)

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что происхожденіе слишкомъ не много дало Андрею Денисову для достиженія того положенія, которое онъ занялъ въ расколѣ. И своею ученостію и виднымъ положеніемъ въ расколѣ Андрей обязанъ почти единственно самому себѣ, своей энергіи, своимъ дарованіямъ, тѣмъ заслугамъ, какія онъ оказалъ расколу. Фамильныя *преданія* о славіи и знаменитости своего рода могли только усилить его честолюбивые замыслы.

Сила энергіи, какую проявилъ Андрей въ своей дѣятельности, зависѣла прежде всего отъ самыхъ убѣжденій Андрея—искреннихъ и глубокихъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Отецъ Андрея, ведшій крестьянскую жизнь, преданъ былъ обыкновеннымъ крестьянскимъ занятіямъ, и даровитый отъ природы мальчикъ, какъ обыкновенно бываетъ въ крестьянскомъ быту, былъ предоставленъ самому себѣ. Чѣмъ менѣе обращали на него вниманія, тѣмъ больше и сильнѣе развивалась въ немъ внутренняя жизнь. Внѣшняя обстановка, впечатлѣнія, каковыи онъ былъ окруженъ, давали богатый матеріалъ для этой внутренней работы, и мысль даровитаго мальчика не оставалась праздною. Молчаливый и тихій, Андрей видѣлъ и принималъ къ сердцу все, что вокругъ него происходило, а вокругъ него происходила шумная борьба невѣжественной и грубой, но искренней вѣры съ насиліемъ болѣе развитой, но нечеловѣколюбивой по духу времени и часто несправедливой, испорченной приказной власти;—борьба буйныхъ и страстныхъ порывовъ озлобленнаго и раздраженнаго люда съ законными требованіями людей, потерязшихъ

(*) Кольс: вын. 4-й стр. 245 — 246 показаніе Филиповца.

въ ихъ глазахъ авторитетъ. Повѣнецъ, родина Андрея, находился въ самомъ центрѣ той мѣстности, гдѣ расколъ наиболѣе свирѣпствовалъ. Андрей видѣлъ вольныхъ и невольныхъ страданія гонимыхъ фанатиковъ, — какъ ихъ казнили самыми разнообразными казнями, какъ изъ страха этихъ мукъ они сами сожигали себя, исповѣдуя во всеуслышаніе свои старотеческіе уставы. Дѣтская натура, неумѣвшая различить въ такомъ темномъ для всего народа дѣлѣ истину отъ лжи, изувѣрство и фанатизмъ невѣжества отъ разумной ревности по Богъ, — не могла не сочувствовать страждущимъ, не могла не поражаться этими ужасами: страшныя впечатлѣнія глубоко залегли въ его душѣ на всю жизнь. Въ поведеніи ребенка не было ничего дѣтскаго: «воздержася присно отъ дѣтскихъ глумленій.» Рано научившись грамотѣ, онъ страстно предался чтенію книгъ, какія можно было имѣть подъ руками: то были, конечно, книги старопечатныя — богослужебныя, рукописныя сборники, цѣлники, пален, четьи-минен, прологи. Отецъ Андрея не имѣлъ нужды отвлекать сына отъ книгъ для какихъ-либо сельско-хозяйственныхъ занятій; онъ былъ человѣкъ состоятельный и въ своемъ кругу занималъ довольно видное общественное положеніе, (*) находясь въ родствѣ съ мѣстными властями. Домъ родителей Андрея свободно посѣщали расколуучители, между прочимъ и «отецъ Игнатій, пребывавшій въ то время во многихъ вышеестественныхъ подвижѣхъ близъ Повѣнца: сей крестити блаженнаго Андрея первѣе, потомъ же и родителя его крестити и весь домъ его: а Андрея первѣе крестилъ потому, что видѣлъ и чистоту ума его, и правость смысла, цѣломудріе душевное.» Усвоивъ себѣ раскольническій образъ мыслей, Денисъ, отецъ Андрей, однакожь не открывалъ себя предъ всѣми: можетъ быть, близкія отношенія къ мѣстнымъ властямъ заставляли его быть двоедушнымъ, дабы имѣть возможность, какъ это бываетъ въ

(*) Въ гражданствѣ знамениты блгу, говоритъ Андрей о братьяхъ гдѣда Петра Прокошова — Иакова, «отъ нмѣт же и Діонисій.»

расколѣ и нынѣ, тѣмъ большую пользу приносить расколу; можетъ быть, это происходило отъ расчетовъ: какъ человѣкъ практическій, благоразумный, онъ не хотѣлъ подвергать себя опасности лишиться своихъ достатковъ и выгоднаго общественаго положенія. Примѣръ хладнокровнаго, разсудительнаго, житейски благоразумнаго отца не остался безъ вліянія на Андрея. Изъ него не вышелъ рьяный, безразсудный фанатикъ; онъ не присталъ къ раскольническимъ шайкамъ, которыя свирѣпствовали въ это время въ окрестностяхъ, насильемъ заставляя мирныхъ жителей православныхъ деревень принимать расколъ, а при наѣздѣ властей съ войскомъ и понятии сжигались; главнымъ предводителемъ этихъ шайекъ былъ повѣнчанинъ Омелька Второго, — сосѣдь и, вѣроятно, родственникъ Андрея.

Когда исполнилось Андрею 18 лѣтъ, родители хотѣли его женить: «неусыпное раченіе нѣтъху еже бы ему изобрѣсти разумную супружницу,» — неблагодарный сынъ уклонился отъ нѣжныхъ родительскихъ заботъ и обманулъ ихъ надежды. Андрей видѣлъ, что «онъ зѣло угоденъ міру,» но послѣ небольшого раздумья, рѣшился лучше посвятить себя Богу, рассказываетъ его біографъ. Чтеніе патериковъ и четіихъ-ничей, пламенные льстивыя рѣчи его учителя, діакона Игнатія, произвели на него сильное дѣйствіе: онъ увлекся мечтою о пустынныхъ подвигахъ. Разсудительный, хладнокровный родитель, думавшій его женить, конечно не одобрилъ бы его юношескаго увлеченія; (*) но Андрей способенъ былъ рѣшительно отстаивать свои намѣренія, — у него уже сложился свой твердый характеръ; родительскій домъ, въ которомъ

(*) Въ послѣдствіи Денису пришлось переменить свой взглядъ на поступокъ Андрея. Познакомившись съ дѣломъ поближе, онъ нашелъ, что Андрей выбралъ самое лучшее мѣсто для жительства, — тутъ сорока кашу сварила, таковское сіе мѣсто по времени, — и прельстившись на безнуждное житье, какое могъ уже доставлять своимъ обитателямъ монастырь Андрея, онъ самъ переселился къ нему въ 1697 г. и жилъ до 1705 года.

Андрей занималъ такое уединенное положеніе, давно уже наскучилъ ему и не имѣлъ для него прелести; — давно уже онъ жилъ въ немъ своимъ особымъ міромъ: деспотическія претензіи отца были ему не по душѣ. И вотъ, онъ рѣшается тайно отъ всѣхъ бѣжать въ пустынные лѣса Сароозера. «Абіе распалился въ Божію любовь, пустыннаго желая жительства, оставляетъ отца и братію и единоутробную сестру; презираетъ домъ, возьмъ спутника, Іоанна вѣского Бѣлоутова, и съ нимъ желаемое ему постизаетъ мѣсто, лыжи убо вмѣсто коней, кережу же вмѣсто воза пріемъ, самъ себѣ бываетъ и подвода и извозчикъ, и слуга и господинъ, и вождь и ведомый.» Этотъ Иванъ Бѣлоутовъ бывалъ уже въ пустынѣ: вмѣстѣ съ Петромъ Прокопьевымъ они ходили проситься къ Данилу, чтобы принялъ ихъ къ себѣ въ общежитіе. Но то была трудная пора: прапорщикъ Аникій Портновскій, да подъячій Ананьинъ съ солдатами, тщетно потомъ пытавшіеся предупредить самоожженіе діакона Игнатія и Емельки Повѣнецкаго въ Палеостровскомъ монастырѣ, предприняли экспедицію и въ выговскіе лѣса, и хотя никого не поймали (они нашли лишь три пустыхъ кельи, которыя и сожгли), тѣмъ не менѣе навели всеобщій ужасъ на тамошнихъ пустынножителей: они скитались по одиночкѣ, не смѣя собраться вмѣстѣ, чтобы не быть открытыми, — а Харитонъ Шунгскій нарочито сожегъ свою келью, чтобы прошелъ слухъ, что «старовѣрцы сожглись,» — трудная была пора! Данилъ по этому не принялъ къ себѣ Бѣлоутова и другаго его товарища, хотя Петру Прокопьеву не отказалъ, изъ уваженія, конечно, къ значенности его рода и къ личнымъ его качествамъ. Бѣлоутовъ тогда возвратился въ Повѣнецъ, и вотъ теперь, какъ человѣкъ бывалый, взять Андреемъ къ себѣ въ провозатые и въ сожители.

Когда Андрей явился въ пустыню, тамъ уже много собралось подобныхъ ему отшельниковъ, бѣжавшихъ сюда страха ради гонительнаго. До семидесяти человѣкъ ихъ группировалось около инокъ Корнилія. Но они не составляли обще-

житія: страхъ быть открытыми не позволялъ имъ собраться во едино, даже заставлялъ мѣнять постоянно мѣсто своего пребыванія. Самъ Корнилій, побуждаемый отчасти непосѣдливостію, частію убѣгая отъ преслѣдованій, ходилъ постоянно изъ одного мѣста въ другое; — только за два года до своей смерти онъ приобрѣлъ осѣдлость на берегу Выга, близъ Сергіева скита.

Такимъ образомъ Корнилій не имѣлъ заботы о томъ, чтобы собрать во едино разстѣянныхъ овецъ, не имѣлъ въ виду устроить монастыря, — хотя впрочемъ приходившихъ къ нему уговаривалъ иночествовать «дѣвственное и безженное житіе проходить» и желающихъ самъ постригалъ. Принявшіе отъ него постриженіе жили отшельниками, самостоятельно, по одному и по двое. Корнилій былъ для нихъ только духовнымъ наставникомъ, къ которому они являлись лишь по временамъ для собесѣдованія и для принатія отъ него наставленій. Въ отношеніи къ большинству приходившихъ Корнилій ограничивался перекрещиваніемъ, исповѣдываніемъ грѣховъ и поученіями, иногда общеназидательнаго содержанія, а иногда въ этихъ наставленіяхъ онъ высказывалъ уже вовсе не тѣ мысли, какія онъ долженъ бы былъ преподавать иночествующимъ. Такъ напр., не одобряя осѣбьденія и пьянства и убѣждая свою братію имѣть все общее, онъ предсказывалъ, что тогда мѣсто ихъ распространится и прославится во всѣхъ концѣхъ: но умноженіи же поселятся «съ матушками и съ дѣтущками и съ коровушками и съ люлечками.» (*)

Въ Выговской пустынѣ была еще другая группа отшель-

(*) См. житіе инока Корнилія, — въ ркп. Имп. Публ. Биб. кн. № 401 in 4-о. Это та самая редакція, въ которой читалъ житіе Корнилія Максимовъ (см. разск. изъ ист. Старообр. 1—38); — простодушный, отчасти даже въ своемъ родѣ художественный разсказъ, — замѣчательный памятникъ народной литературы, совершенно чуждый того quasi—литературнаго изложенія, въ какомъ представляется это житіе по редакціи Александра Б., гдѣ этотъ народный разсказъ передѣланъ кѣмъ-либо изъ роторовъ Андреевой школы, можетъ быть самимъ Семеномъ Денисовымъ.

никовъ, не чуждавшаяся поученій «староскитскаго аввы», но съ другими стремленіями, съ стремленіями къ общежитію монастырскому: къ ней примкнулъ и Андрей. Это была небольшая община, основанная діакономъ Игнатіемъ, первымъ наставникомъ Андрея въ «древнемъ благочестіи», — который пришелъ сюда гораздо раньше Корнилія и притомъ не такъ, какъ тотъ, съ нарочитою цѣлю (такъ рассказываетъ намъ Андрей въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву) основать монастырь, во исполненіе предсказанія нѣкоего инока Гурія, который «благоюродствуя», увѣрялъ его: «хочеть Богъ сотворити тобою велию обитель ину». Игнатій, какъ только пришелъ въ Выговскую пустынь, сряду же поселился на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ на Сароозерѣ, сталъ набирать себѣ братію. Сюда пришелъ къ нему Даніилъ Викулинъ, по указанію отца своего духовнаго, игумена Досіея, который говорилъ ему: «иди и въ выговскихъ лѣсахъ обитающа соловецкаго старца Игнатія послушай: сей силенъ наставить тя на путь спасенія и научити правилъ общежитія». Неизвѣстно почему, но только оказалось, что Игнатій не силенъ былъ научить свою братію правиламъ общежитія. Когда его мѣсто-пробываніе сдѣлалось извѣстнымъ для всѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для властей, онъ не счелъ возможнымъ далѣе оставаться въ немъ, но не захотѣлъ и переселиться съ своею небольшою паствою въ другое какое-либо мѣсто, какъ дѣлалъ Корнилій; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы покинуть собравшихся около него бѣглецовъ и набравъ большее число фанатиковъ между жителями селъ и деревень, вмѣстѣ съ ними сжегся въ Палеостровскомъ монастырѣ. Андрей Денисовъ въ своемъ разсказѣ объ этомъ расколоучителѣ (разсказъ этотъ буквально повторяется у Ивана Филиппова) обставилъ своего учителя атрибутами не менѣе величественными, чѣмъ съ какими является Корнилій у своего жизнеописателя Пахомія. Но на самомъ дѣлѣ Игнатій не имѣлъ и доли тѣхъ видимыхъ достоинствъ, въ которыхъ нельзя отказать Корнилію. Если дѣйствительно къ этому Иг-

натію относится разсказъ митрополита сибирскаго Игнатія о нѣкоемъ инокѣ, жившемъ близъ Каргополя (*), то причиною удаленія Игнатія изъ пустыни Выговской въ Палеостровскій монастырь было то, что личный характеръ поведенія и правила діакона Игнатія были не таковы, чтобы онъ могъ долго оставаться въ присутствіи людей, увлеченныхъ искреннимъ, хотя и случайнымъ, желаніемъ строгаго подвижничества и думавшихъ видѣть въ своемъ руководителѣ высокій образецъ нравственности.

Какъ бы то ни было, но мысль объ устройствѣ общежителства, монастыря, сильно занимала умы отшельниковъ. Давно уже разные провидцы предсказывали то тому, то другому изъ пустынножителей настоятельство: Игнатію говорилъ объ этомъ Гурій въ Соловецкомъ монастырѣ; теперь діаконъ Соловецкій же Пимень, сожегшійся потомъ на Березовѣ, предсказывалъ настоятельство Данилу. Когда этотъ послѣдній однажды навѣстилъ его въ пустынь, то на обратномъ пути ему пришлось переѣзжать черезъ рѣку. Пимень, провожавшій его, не позволилъ ему сѣсть въ весла, но посадилъ его въ корму, потому что, пояснилъ онъ «ты будешь кормчимъ великаго корабля». Но желанія этихъ пустынниковъ въ этомъ случаѣ не шли далѣе тѣхъ непосредственныхъ удобствъ жизни, какія ближайшимъ образомъ вытекаютъ изъ соединенія нѣсколькихъ для одной цѣли въ одну артель. Только въ свѣтлой головѣ Андрея, когда онъ присмотрѣлся къ жизни этихъ пустынниковъ, могло явиться ясное представленіе о томъ, какое широкое употребленіе можно сдѣлать изъ этого общаго фанатическаго одушевленія безчисленныхъ людей, бродящихъ теперь разрозненно, если собрать ихъ въ одну силу, если связать ихъ общими интересами. Оттого у него и пошло такъ успѣшно дѣло устроенія-общежителства. До него дѣло какъ то не ладилось, именно потому, что у людей, которые брались за него, не было ни какой творческой идеи,

(*) Пр. Макарія ист. раскола стр. 252.

которая могла бы пробудить въ нихъ энергію. Истинякъ демагога и узурпатора пробудился теперь въ Андрей.

Не всѣ, жившіе съ Игнатіемъ на Сароозерѣ, послѣдовали за нимъ въ Палеостровскій монастырь: начальникомъ оставшихся въ то время, какъ прибылъ сюда Андрей, былъ Даніиль, «мужъ желаній и кротости», обитавшій съ нѣсколькими учениками «на Рязани». Андрей съ Бѣлоутовымъ поселились недалеко отъ него между двумя озерами Тагозеромъ и Бѣлымъ, «гору точію сожительницею и ручей сосѣда себѣ избраша». Цѣлую зиму (съ декабря 1692 г.) прожили они здѣсь, «ни стѣны, ни покрова имущи, огненной точію присѣдаще нудіи». Единственною отрадою для нихъ было то, что они ходили по временамъ къ Даніилу Викудину, гдѣ занимались чтеніемъ Слова Божія и душеспасительными бесѣдами. Познакомившись и сблизившись съ Андреемъ, Даніиль сталъ звать его къ себѣ въ общее житіе. Онъ видѣлъ его даровитость и еще свѣжій порывъ мистическаго одушевленія. Андрей съ своей стороны живо чувствовалъ невыгоды одиночнаго существованія и преимущества общежитія: онъ охотно принялъ приглашеніе Даніила. «Оставляетъ свою хижину, яже при потоцѣ, впадающемъ въ Сароозеро и абіе во единотрапезное и единокелейное и единоимѣнное сходятся житіе, и ихже сердце и душа едино и не едино же что отъ имѣнія своего глаголаше что свое быти, но бяху имъ вся обща». Даніиль съ перваго же разу удѣлилъ ему половину настоятельскихъ заботъ и настоятельской чести. «Таже съ великимъ прошеніемъ, моленьми, отеческими благословеньми и совѣтовъ принужденьми принудиша не житія точію, но и попеченія и тяготы вкусити».

Дальнѣйшая исторія жизни Андрея до 1695 года можетъ быть передана въ немногихъ словахъ (*).

(*) Замѣтимъ, что рассказъ Ивана Филиппова, которымъ пользовались новѣйшіе писатели и которому они простоудшно довѣряютъ, объ этомъ времени, равно какъ и о первыхъ Поморскихъ расколуучителяхъ, Иг-

Вскорѣ послѣ того, какъ Андрей вступилъ въ общину Даниїла, съ общаго совѣта рѣшили перейти на новое мѣсто, которое въ послѣдствіи называлось «старымъ заводомъ» и находилось близъ Боровскаго скита. Андрей съѣздилъ домой и привезъ съ собой сестру свою Соломонію, тайно отъ отца, — «той самой во слѣдъ Бога изволившей», съ нею Петра Прокопьева съ его сестрой Феклой. Своими подвигами, своимъ умнымъ поведеніемъ Андрей все болѣе и болѣе привлекаетъ общее уваженіе; его популярность растетъ со дня на день. «Въ покореніи и послушаніи преуспѣвая, бысть образъ кротости, брася съ миромъ, тѣломъ и діаволомъ: съ миромъ чрезъ отверженіе, съ тѣломъ чрезъ умерщвленіе, съ діаволомъ чрезъ пощеніе и молитвы». Біографъ сравниваетъ при этомъ случая Андрей съ законодателемъ Моисеемъ: какъ тотъ «съ закономъ къ Израилю пришедь, солвечные показа на себѣ лучи и того ради возложи на себя покровъ, сице и сей премудрый нашъ пастырь, російскій законодавецъ, просвѣтися добрыми дѣлы, тѣмже и вселися въ Выговскую пустынь, аки такожде возлагая на лице свое покровъ. Обаче якоже облакъ, покрывая солнечное лице, не можетъ утанти его лучи, да не тво-

матіъ, Доскочевъ и пр. заимствованъ слово въ слово изъ надгробнаго слова Петру Прокопьеву, сказаннаго Андреемъ Денисовымъ. Андрей въ отношеніи къ себѣ здѣсь обнаруживаетъ большую, можетъ быть даже и чрезмѣрную, скромность; онъ скрадываетъ свои подвиги и старается выставить и восхвалять Даниїла, который еще живъ былъ въ то время, когда говорилось это надгробное слово; Андрей хотѣлъ польстить старцу, находившемуся въ общемъ уваженіи: похвала, сказанная Даниїлу, была пріятна и всей общинѣ, которая чтитъ его за его «кротость», т. е. за снисходительность и послабленіе къ общеразсѣйскимъ слабостямъ. Что касается до Ивана Филиппова, то онъ заслуживаетъ полного довѣрія тамъ, гдѣ говоритъ отъ себя: тамъ его рассказъ дышетъ искренностію и простодушіемъ. Это былъ человѣкъ, горячо и искренно преданный интересамъ своей общины. Въ рассказѣ объ Игнатіѣ и другихъ Андрей изображаетъ эти личности величественными по особымъ побужденіямъ: ему хотѣлось убѣдить слушателей, что его монастырь имѣетъ дѣйствительное значеніе монастыря, ибо основанъ такими великими святыми.

рить дня, сице и Выговская пустынь не утай премудршии Андреемъ принесеннаго. Просвѣти яко солнце премудрый сей законодавецъ Выговскую пустыню законовъ лѣпотомъ и уставовъ общежительныхъ дивною красотою, въ нихъ же благообразно начаша ходити выгопустыинніи чада».

Три года жили они на томъ мѣстѣ въ великой нуждѣ и трудясь въ потѣ лица: нужно было строить кельи, расчищать лѣсъ подь пашню. За то богаты были молитвами и цѣломудріемъ, замѣчаетъ біографъ Андрея. Однажды, когда братія вышли на земледѣльные труды «древія въ груды собирать», огонь, неосторожно оставленный въ кельи, произвелъ пожаръ, — сгорѣли всѣ зданія и всѣ пожитки. Этотъ случай они приняли, будто бы за явное указаніе свыше, переселиться въ ино мѣсто, именно туда, «гдѣ теперь стоитъ монастырь», замѣчаетъ біографъ: а здѣсь жилъ тогда Захарія Дровининъ, мужъ сколько къ духовнымъ подвигамъ прилежный, столько и въ естественномъ мужествѣ крѣпкій, съ отцемъ ономъ Стефаномъ и съ сестрами, дѣвцами, презрѣвшими плотскій бракъ и домъ, всякимъ изобиліемъ кипящій. Захарія былъ извѣстенъ тѣмъ, что пользовался особенною благосклонностію Корнилія. И дѣйствительно, по всѣмъ признакамъ это былъ человекъ достойный уваженія, крестьянинъ трудолюбивый и добродушный, общительный: поселившись на берегу Выга, онъ много потрудился для того, чтобы расчистить себѣ мѣсто и завести распахку. Обильный урожай вознаграждалъ его труды: тогда ему захотѣлось подѣлаться съ нуждающимися и онъ отправился на лыжахъ къ Даніилу — звать ихъ въ общее житіе, не смотря на предостереженія своего старика отца, который, какъ человекъ бывалый, внушалъ ему, что гораздо лучше быть одному хозяиномъ своего мѣста и своего хлѣба. Даніиль и Андрей тогда колебались. Но послѣ пожара, погорѣвшіе братія съ радостію переселились къ Захарію и здѣсь въ 1695 г., послѣ Покрова Богородицы, ихъ община подь руководствомъ Андрея получила правильное и положительное устройство. Съ этого вре-

мени (*) Андрей рѣшительно дѣлается душою и законодательцемъ всего общества; все, что дѣлается въ общинѣ, дѣлается по его мысли, съ его согласія и вѣдома. Съ этого времени община растетъ не по днямъ, а по часамъ въ числѣ своихъ членовъ. Три года, прошедшіе со времени прибытія Андрея на Выгъ (съ декабря 1692 г. по октябрь 1695 г.) не могли пройти для него безплодно. Въ это время онъ довершалъ свое самовоспитаніе, изучалъ свящ. книги, создавалъ для себя репутацію между пустыяниками, присматривался къ людямъ, изучалъ характеры и нужды своихъ братій. Въ это время конечно ему пришлось многое пережить, во много разъ разочароваться, въ это время долженъ былъ совершиться нѣкоторый переломъ въ его убѣжденіяхъ, отъ идеализаціи онъ перешелъ къ болѣе практическому взгляду на вещи.

НИКОЛАЙ БАРСОВЪ.

(Продолженіе будетъ).

(*) Формально Андрей сдѣланъ настоятелемъ лишь въ 1703 году (см. Любопытнаго Хронологію въ 1 том. Есипова и въ исторіи Выгов. пуст.)